

Сравнительный анализ партийных систем СССР и современной России: случилась ли реставрация однопартийности?

A Comparative Analysis of the Party Systems in the USSR and Modern Russia: A Return to a One-Party System?

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-2-179-193

УДК 329

Получено: 24.04.2025

Одобрено: 21.05.2025

Опубликовано: 25.06.2025

Ярошенко А.С.

Политический консультант, выпускник аспирантуры Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

e-mail: alexeyaro46@gmail.com

Iaroshenko A.S.

Political consultant, graduate of the postgraduate program of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
e-mail: alexeyaro46@gmail.com

Аннотация

Цель исследования — определить, воспроизводит ли современная российская партийная система с доминирующей партией институциональные черты советской однопартийной модели и может ли это трактоваться как форма реставрации однопартийности. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что устойчивое электоральное лидерство партии «Единая Россия» при отсутствии институционализированной монополии на власть не ведёт к воспроизведению тотального партийного контроля по образцу КПСС. Несмотря на внешнее сходство с советской однопартийной моделью, современная система лишена правовых и организационных основ, необходимых для реставрации полного партийного господства. В методологическом отношении исследование строится на основе комбинированного использования структурно-функционального и нормативного подходов, также дополняется сравнительным анализом партийных систем СССР и современной России по отобранным параметрам. Исследовательскую базу составляют нормативно-правовые акты, программные документы партий и широкий спектр академической литературы. На основе анализа установлено, что КПСС выступала в качестве надгосударственного субъекта с конституционно закреплённой монополией на власть, обладая возможностью прямого контроля над кадровыми, ресурсными и идеологическими механизмами управления. В отличие от неё, «Единая Россия» действует в институциональной среде, ограниченной принципом разделения властей, юридической автономией государственной службы и отсутствием официальной идеологии. Современное партийное доминирование опирается на комбинацию электоральной легитимации и гибкой идеологической адаптации, при отсутствии полномасштабного институционального слияния с государственным аппаратом. Теоретическая значимость исследования состоит в преодолении распространённого заблуждения, укоренившегося в общественно-политическом и научном дискурсе, о схожести «Единой России» и КПСС. Выявленные в ходе анализа различия позволяют отказаться от некорректных аналогий, что закладывает теоретическую базу для дальнейшего определения реального места

«Единой России» в системе власти современной России. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы при экспертной оценке состояния партийной системы, прогнозировании рисков институциональной стагнации, а также при разработке рекомендаций в сфере партийного законодательства и избирательной политики.

Ключевые слова: партийные системы, политические партии, КПСС, «Единая Россия», политическое доминирование, доминирующая партия, многопартийность.

Abstract

The aim of the study is to determine whether the modern Russian party system, characterized by a dominant party, reproduces the institutional features of the Soviet one-party model and whether this can be regarded as a form of one-party restoration. The working hypothesis suggests that the stable electoral leadership of the "United Russia" party, in the absence of an institutionalized monopoly on power, does not lead to the reproduction of total party control in the manner of the CPSU. Despite superficial similarities to the Soviet one-party model, the current system lacks the legal and organizational foundations necessary for the restoration of full party dominance. The methodological basis of the study is a comparative analysis of the party systems of the USSR and contemporary Russia according to selected parameters. The empirical base includes legal and regulatory acts, party programmatic documents, and academic literature. The analysis shows that the CPSU acted as a supra-state actor with a constitutionally enshrined monopoly on power, with the ability to directly control personnel, resources, and ideological mechanisms of governance. In contrast, "United Russia" operates in an institutional environment constrained by the principle of separation of powers, the legal autonomy of the civil service, and the absence of an official ideology. Contemporary party dominance relies on a combination of electoral legitimacy and flexible ideological adaptation, without a full-scale institutional merger with the state apparatus. The theoretical significance of the study lies in overcoming a widespread misconception rooted in political and academic discourse concerning the structural and functional similarity between "United Russia" and the CPSU. The differences revealed through the analysis make it possible to reject inaccurate analogies and establish a theoretical foundation for further clarification of the actual place of "United Russia" within the power system of modern Russia. The practical significance of the study is that its findings can be used for expert assessment of the state of the party system, forecasting risks of institutional stagnation, and developing recommendations in the field of party legislation and electoral policy.

Keywords: party systems, political parties, CPSU, "United Russia," political dominance, dominant party, multiparty system.

Введение

Сравнение партийных систем СССР и современной России остаётся актуальной задачей для политической науки, особенно в контексте изучения форм партийного доминирования. В общественно-политическом дискурсе нередко проводится прямое сопоставление КПСС и «Единой России». Как правило, такое сравнение носит поверхностный и идеологизированный характер: не учитываются фундаментальные различия в институциональных и правовых условиях функционирования партий власти в советский и постсоветский периоды. Возникает необходимость в научной ревизии подобных подходов с опорой на сравнительный политологический анализ.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что вопрос партийного доминирования в условиях поставторитарных политических режимов требует более точной концептуализации. Современная российская партийная система формально сохраняет принципы многопартийности и политической конкуренции, однако на практике характеризуется устойчивым политическим лидерством одной партии — «Единой России». Сравнение с КПСС, обладавшей статусом единственной партии в условиях полного слияния с государственным аппаратом, позволяет выявить, какие элементы партийного контроля

сохраняются, а какие принципиально невозможны в новых историко-политических обстоятельствах.

Целью статьи является выявление и систематизация структурных и функциональных различий между монопольным статусом КПСС и доминирующим положением «Единой России» в рамках современной партийной системы. Для достижения этой цели проводится сопоставление механизмов партийного контроля, каналов влияния на государственные институты, особенностей идеологических позиций и кадровой политики.

Авторская гипотеза заключается в том, что, несмотря на устойчивое политическое доминирование «Единой России», институциональные и правовые ограничения в современной политической системе России, а также отсутствие обязательной государственной идеологии не позволяют воспроизвести модель тотального партийного контроля, характерную для КПСС. Современная российская партия власти побеждает на выборах, влияет на государственную повестку и кадровую политику, но не обладает монополией на власть и тотальным контролем.

Для корректного анализа в статье используется уточнённая политологическая терминология. Под «партийной системой с единственной партией» понимается система, в рамках которой одна партия обладает исключительным правом на политическое руководство, а существование альтернативных политических сил институционально исключено [34, р. 110]. В свою очередь, «система с доминирующей партией» — это разновидность партийной системы, при которой при формальном наличии многопартийности одна партия стабильно сохраняет власть, обладая устойчивым электоральным преимуществом [27, р. 593]. Термин «политическое доминирование» в рамках данного исследования означает повторяющийся электоральный успех партии, позволяющий управлять политической системой без необходимости тотального контроля над обществом и ликвидации конкуренции. Доминирующая партия не запрещает или ограничивает другие партии — она их политически «поглощает» [26, с. 152–153].

Обзор научной литературы

Проблема партийного доминирования на протяжении последних десятилетий рассматривается как в отечественной, так и в зарубежной политологической традиции. Наиболее разработанными остаются подходы, касающиеся анализа партий-гегемонов, «партии власти», партийных монополий и феномена устойчивого электорального доминирования.

1. Теоретические подходы к вопросу партийного доминирования.

Типология Дж. Сартори до сих пор является фундаментальной для различия однопартийных, гегемонистских и конкурентных систем [34]. В этой логике «Единая Россия» отнесена к типу доминирующей партии в условиях формального плюрализма. Также полезной для исследования стала модель «электоральной гегемонии» [27]. Важное уточнение в понимание роли таких партий вносит Р.-Ж. Шварценберг, отмечая, что в президентских режимах они не только обеспечивают электоральное преимущество, но и играют ключевую роль в легитимации власти главы государства, особенно в периоды политических кризисов. Через механизм институциональной поддержки они способствуют укреплению централизованной модели управления и обеспечивают координацию ключевых политических решений [26].

2. Отечественные исследования советской однопартийной системы.

Анализ КПСС как «единственной партии» в условиях советского однопартийного режима остаётся одним из классических направлений в отечественной политической науке. В этом контексте большое значение имеют исследования А.Д. Напалкова и А.Ф. Сметанина, в которых партийная структура представлена как надгосударственная, обладающая исключительным контролем над всеми ветвями власти [11]. Авторы подчёркивают, что однопартийная система СССР функционировала не просто на основе политической монополии, но и на основе полного институционального сращивания партии и государства.

С позиций историко-политического анализа важный вклад внесли Е.И. Волгин и П.В. Кузьмин, обращавшиеся к вопросам нормативного оформления партийной монополии, юридической природы КПСС и причин кризиса однопартийности. По мнению Волгина, доминирование КПСС стало возможным благодаря закреплению её статуса в Конституции СССР, но именно это стало предпосылкой внутреннего застоя, идеологической и кадровой инерции [2]. Кузьмин и Халанская выделяют позднесоветский период как точку интеллектуального вырождения партийной элиты и неспособности КПСС адаптироваться к меняющемуся миру [10].

Таким образом, существует широкое единство в оценке КПСС как феномена тотального партийного контроля, при этом акценты делаются на разных компонентах: институционально-правовых, идеологических и управленческих.

3. Современные исследования партийного доминирования в России.

В контексте анализа роли партии «Единая Россия» в современной политической системе Российской Федерации прослеживается разнообразие исследовательских подходов. И.И. Глебова предлагает рассматривать данную партию как историческую адаптацию элементов советской политической культуры к институциональным условиям формального многопартийного устройства [3]. По её мнению, устойчивость «Единой России» обеспечивается не только наличием административных и финансовых ресурсов, но и глубинной структурной тягой российского общества к централизму.

Сходную точку зрения высказывает Н.Е. Николаев, полагая, что «Единая Россия» изначально формировалась не как носитель определённой идеологической платформы, а как инструмент управленческого контроля, интегрированный в вертикаль исполнительной власти [12]. Это отграничивает её от Коммунистической партии Советского Союза, обладавшей самостоятельной доктринальной основой и идеологической миссией.

Схожий акцент делает и Ю.В. Попова, характеризуя «Единую Россию» как структурный компонент персоналистского режима, лишённый институциональной автономии [15]. В её интерпретации партия выступает не как субъект, формирующий повестку, а как канал транслирования политической воли, исходящей от исполнительной власти. Такой подход сближает «Единую Россию» с типологией электорального авторитаризма, где контроль осуществляется не через массовую мобилизацию, а через управляемые электоральные процедуры. Ю.А. Нисневич также обращает внимание на ограниченность реального политического влияния партии, указывая, что она не участвует в кадровом отборе и не формирует стратегические решения, выполняя функции реализации установок, принятых вне партийных структур [13].

Дополняя эту линию анализа, Д.Г. Сельцер подчёркивает, что слабая внутренняя структура и утрата организационной автономии превращают «Единую Россию» в технологический инструмент власти, лишённый потенциала к саморазвитию и обновлению [16]. В этом смысле партия противопоставляется КПСС, обладавшей институциональной целостностью, системой подготовки кадров и долгосрочной управленческой стратегией.

4. Зарубежные исследования партийной системы СССР.

М. МакОлей трактует КПСС как институционального монополиста, доминирующего через идеологию и административное устройство [32]. Р. Дэниелс, исследуя партийные документы, фиксирует эволюцию методов политического контроля от мобилизационных к бюрократически-репрессивным [29]. И. Хоффманн указывает на то, что особенность КПСС как единственной партии заключается не только в исключении конкурентов, но и в подавлении внутриэлитных альтернатив [31].

Отдельный теоретический вклад в осмысление природы партийных монополий принадлежит Л. Шапиро, важность работ которого обусловлена не только их аналитической глубиной, но и тем, что он был современником существования КПСС. Хотя его интерпретации могут быть частично обусловлены идеологическим неприятием советской модели, они тем не менее представляют ценность для сравнительного анализа. Шапиро обращает внимание на то, что, несмотря на внешнюю схожесть функций коммунистических партий в различных

странах — мобилизация, контроль и координация — структура партийной власти в СССР отличалась особенно высоким уровнем централизованности и институциональной замкнутости, превращавшей КПСС в надгосударственный орган [25].

Современный китайский исследователь Ю. Чжао, анализируя причины нестабильности партийной монополии в советском контексте, утверждает, что идеологическая модель, навязанная КПСС, не укоренилась в российской культурной традиции, поскольку представляла собой заимствованную конструкцию, чуждую историческому и ментальному коду российского общества [24]. В его интерпретации это стало одной из причин того, что советская партийная система оказалась неспособной к долгосрочной устойчивости.

Методы

В методологическом отношении исследование строится на основе комбинирования структурно-функционального и нормативного подходов, также опирается на совокупность взаимосвязанных научных методов, основным из которых выступает сравнительный политологический анализ, дополненный элементами ретроспективного анализа.

Сравнительный анализ применялся для выявления институциональных различий между моделью партийной монополии в советский период и современной системой доминирования одной партии при сохранении формальных многопартийных институтов. В качестве объектов сравнения были выбраны партийные системы СССР и Российской Федерации, а также их ключевые институциональные характеристики. Анализ проводился по ряду параметров, отражающих уровень и форму участия партий в системе власти: юридический статус партий, степень политической конкуренции, механизмы принятия решений, кадровая политика, степень автономии государственного аппарата, наличие или отсутствие обязательной идеологии.

Структурно-функциональный подход позволил рассматривать КПСС и «Единую Россию» как элементы соответствующих политических систем, выполняющих определённые функции — мобилизационную, легитимирующую, интеграционную, а также функцию рекрутования и воспроизводства элит. При этом внимание сосредоточено не на декларативных установках партий, а на фактических механизмах их участия в распределении власти.

Ретроспективный анализ применялся для изучения эволюции политических механизмов. Особое внимание уделялось историко-правовым источникам, архивным документам КПСС, а также современным законодательным и иным нормативным актам, определяющим рамки функционирования партии власти в постсоветский период.

Таким образом, методология исследования обеспечила комплексное изучение феномена партийного доминирования в двух исторически и институционально различающихся системах, с фокусом на выявление внутренних механизмов функционирования и ограничений каждой из моделей.

Результаты анализа

Проведённый сравнительный анализ партийного доминирования в советской и постсоветской России позволил систематизировать существенные различия между моделью монополии КПСС как «единственной партии» и доминирующим положением партии «Единая Россия» в условиях многопартийности.

В результате выявлены и структурированы различия по следующим основным направлениям:

- правовой статус;
- политическая конкуренция;
- механизмы принятия государственных решений;
- автономия государственного аппарата;
- обязательная идеология;
- кадровая политика.

1. Правовой статус.

В соответствии с Конституцией СССР, решения КПСС обладали высшей политической значимостью. Конституция СССР 1936 года впервые зафиксировала центральную роль партии, легитимировав её вмешательство во все сферы управления. ВКП[б] была названа «передовым отрядом трудящихся» [7, ст. 126]. Юридическое закрепление руководящей роли КПСС стало ключевым этапом институционализации партийного контроля над государством. Это заложило основу партийной монополии, юридически оформив роль ВКП[б] [2, с. 92–93].

В Конституции 1977 года был окончательно закреплён доминирующий статус КПСС: статья 6 провозглашала партию ядром политической системы, ответственным за стратегическое направление развития страны [8, ст. 6]. Это создало правовую основу для партийно-государственного симбиоза [11, с. 10]. Таким образом было узаконено подчинение всех государственных структур партийным интересам, а КПСС получила надгосударственный правовой статус [2, с. 93].

В современной российской политической системе правящая партия «Единая Россия» не обладает каким-либо особым правовым статусом по сравнению с другими зарегистрированными политическими партиями. Конституция Российской Федерации и действующее законодательство обеспечивают формальное равенство всех партий перед законом, исключая возможность правового закрепления доминирующего положения какой-либо одной партии [9, ст. 13]. Поэтому в постсоветской России доминирование партии осуществляется не через конституционное закрепление, а через устойчивость электорального результата, наличие парламентского большинства и координацию с президентской вертикалью власти [12; 2].

2. Политическая конкуренция.

Политическая система СССР характеризовалась отсутствием конкуренции. Выборы фактически носили формальный характер, а все государственные решения принимались внутри партийной структуры, исключая возможность альтернативных точек зрения и реформ [17, с. 46–47]. Эта система закрепила за КПСС статус единственного источника власти [31, р. 1–4]. Фактически власть принадлежала узкому кругу партийных лидеров [25, с. 116].

КПСС контролировала не только государственные органы, но и общественные организации, включая профсоюзы, молодежные и женские движения. Организации могли существовать только с разрешения партии и должны были соответствовать её идеологии, фактически выполняя её задачи, исключая самостоятельную активность [2, с. 94].

Правовые условия нынешней системы предусматривают участие различных политических сил, что позволяет гражданам осуществлять выбор между разнообразными политическими программами. Реальность политической конкуренции подтверждается активным участием партий, таких как КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия - Патриоты - За правду», «Новые люди» и других, в выборных процессах, а также их влиянием на законодательную и исполнительную власть [4, с. 2022–2027]. Эти партии представлены в Государственной Думе и имеют представителей на уровне региональной власти, включая губернаторов.

3. Механизмы принятия государственных решений.

КПСС выполняла роль системообразующего института, который полностью контролировал социальные, экономические и политические аспекты жизни общества [3, с. 120]. Все решения, касающиеся приоритетов развития, распределения бюджета, кадровых назначений и внешней политики, принимались внутри партийных структур. Это обеспечивало тотальную вертикаль принятия решений и исключало необходимость учёта альтернативных позиций [11, с. 8–15]. В частности, Политбюро формировало экономические планы пятилеток, утверждало руководителей госструктур и ведомств, а реализация решений осуществлялась через подконтрольные партийные и государственные механизмы.

В устоявшейся системе в СССР Политбюро ЦК КПСС выполняло роль стратегического центра, а Совет Министров и министерства исполняли операционные функции. Взаимодействие между Политбюро и Советом Министров основывалось на четко

регламентированных процедурах. Это позволяло поддерживать единство действий, потому что регламент минимизировал возможность возникновения параллельных или противоречивых решений [14, с. 404–405, 409].

Координация между партийными и государственными структурами через Президиум позволяла избежать дублирования задач и обеспечивала вертикальный контроль, но ограничивала самостоятельность органов власти, что снижало гибкость системы [18, с. 10].

В противоположность этому, партия «Единая Россия» действует в условиях разделения властей и рыночной экономики, при которых формально отсутствуют внебюджетные партийные фонды или полномочия по планированию. Хотя «Единая Россия» влияет на бюджетную и стратегическую повестку, это влияние осуществляется через фракции в парламенте и взаимодействие с исполнительной властью, а не через надзаконные директивы.

Как справедливо подчёркивает Николаев, современная институциональная архитектура не позволяет доминирующей партии единолично определять векторы развития без учёта других политических и экспертных акторов [12, с. 164]. Некоторые исследователи указывают, что в современной России доминирует не партия, а государственный аппарат: партии утратили реальное влияние на законодательный процесс и выполняют функцию ратификации решений, принимаемых исполнительной и президентской властью [1, с. 105]. В этом контексте «Единая Россия» не может институционально встраиваться в вертикаль власти, как это делала КПСС. Партия лишена формальных механизмов директивного контроля и действует в рамках правовой системы, базирующейся на конституционном принципе разделения властей.

4. Автономия государственного аппарата.

Коммунистическая партия контролировала государственный аппарат тремя механизмами:

Первый механизм – через интеграцию партийных организаций в государственные органы [28, р. 54–56]. Это исключало любые проявления автономии [32, р. 14–15]. Каждое государственное учреждение контролировалось партийной структурой аналогичной специализации, которая задавала стратегические ориентиры и осуществляла контроль за их выполнением. Это привело к нарастанию дуализма в управлении, что стало одной из основных причин кризиса и последующего распада партийной и государственной системы СССР [20, с. 30–31].

Второй механизм контроля КПСС – осуществлялся посредством обязательных директив, которые определяли стратегию и повседневную деятельность государственных органов [11, с. 8]. Партийные органы принимали ключевые решения, а государственные структуры выполняли их, обеспечивая устойчивость режима через полное подчинение всех уровней управления решениям ЦК КПСС [29, р. 70–80].

Третий механизм — управление распределением ресурсов, позволял КПСС контролировать финансирование, материально-техническое снабжение и распределение других стратегически важных ресурсов. Партия решала, какие отрасли и регионы получат приоритетное финансирование, что делало её центральным субъектом экономического управления. Такой подход усиливал роль КПСС в стратегическом планировании, но приводил к дисбалансам в экономике, так как решения принимались с учётом партийных приоритетов, а не экономической рациональности [11, с. 15].

В современной России в соответствии с федеральным законом, регулирующим деятельность политических партий в Российской Федерации, «Единая Россия» функционирует в правовых рамках, которые исключают возможность интеграции партийных структур в органы публичной власти, потому что это запрещено законодательством [21, ст. 9]. Это делает невозможным прямой контроль политическими партиями, включая «Единую Россию», над государственными структурами.

В отличие от КПСС, «Единая Россия» не осуществляет прямое директивное управление. Хотя партия определяет основные направления государственной политики и активно влияет на законодательные инициативы, её воздействие на исполнение решений ограничены

институтами законодательной и исполнительной власти, функционирующими в условиях демократических процедур и рыночных механизмов [19, с. 103].

5. Обязательная идеология.

Важным элементом управления КПСС была идеологическая монополия. Политбюро активно внедряло идеологические установки в экономическую, образовательную и культурную политику [14, с. 405–408]. Партия осуществляла контроль над средствами массовой информации, образовательными учреждениями и культурными организациями, которые использовались для формирования приверженности социалистическим ценностям [2, с. 94]. Средства массовой информации транслировали решения партии и распространяли её взгляды, а система образования способствовала воспитанию граждан в духе солидарности с целями государства. Этот подход обеспечивал единство мировоззрения, минимизируя возможность общественного раскола [29, р. 65–70].

Разветвлённая сеть партийных органов позволяла внедрять идеологические ценности на всех уровнях управления и укреплять связь между государственными структурами и обществом. Анализ делопроизводственных и партийных источников КПСС демонстрирует, что центральные директивы о проведении агитационных кампаний и идеологических «разъяснений» транслировались на местном уровне через систему партийных комитетов и комсомольских организаций [5, с. 161–162].

Контроль за информационной и культурной сферами способствовал консолидации общественного сознания и усилению дисциплины среди граждан и элит, что поддерживало стабильность и согласованность действий внутри страны [31, р. 1–4]. Контроль за соблюдением официальной линии осуществлялся через партийные структуры, цензуру и специальные органы, что позволяло устранивать проявления инакомыслия и укреплять влияние партии [32, р. 15]. Партийная идеология была направлена на обеспечение стабильности власти, но также ограничивала возможность развития общества вне рамок социалистической модели [25, с. 116].

Пропагандистская и воспитательная работа занимала центральное место в деятельности КПСС, способствуя мобилизации рабочих на выполнение производственных планов, укреплению дисциплины и внедрению социалистических идеалов. Партийные организации активно использовали лекции, разъяснительные кампании и методические пособия [33, р. 274–275]. Пропаганда акцентировала внимание на достижениях социалистической системы, продвигая идеи стабильности, прогресса и равенства [32, р. 22–23]. Партия использовала культурные и образовательные каналы для достижения стратегических целей, таких как индустриализация и коллективизация, обеспечивая устойчивость идеологических основ системы [14, с. 409].

Особенности идеологического контроля КПСС объясняются не только институциональными факторами, но и культурно-историческим контекстом. В сравнение с другой коммунистической «single party» – КПК, жесткость внутрипартийной политики КПСС может быть объяснена европейским типом мышления и свободолюбивым духом русской культуры, которые в революционные периоды требуют жесткого дисциплинарного единения партии [24, с. 86].

Принципиальным отличием институциональных условий функционирования партии «Единая Россия» от КПСС в идеологической сфере является конституционный запрет на установление обязательной государственной идеологии в современной России [9, ст. 13]. Несмотря на своё доминирующее положение, «Единая Россия» не обладает исключительным правом на формирование государственной политики на основе единой идеологической концепции. Государственные институты не обязаны следовать программным установкам какой-либо партии. Этот правовой механизм исключает возможность закрепления любой идеологической доктрины в качестве официальной и обязательной для всех граждан, что фундаментально отличает политическую систему современной России от советской модели.

В современной России, в отличие от Советского Союза, средства массовой информации обладают гораздо большей независимостью. В отличие от КПСС, которая осуществляла

строгий контроль за СМИ, современные информационные каналы могут представлять альтернативные точки зрения, несмотря на ограничения, что способствует более многогранной политической дискуссии [19, с. 101].

Кроме того, сама идеологическая позиция партии «Единая Россия» отличается от доктринального марксизма-ленинизма КПСС своей гибкостью и адаптивностью, что соответствует характеристикам партий постмодерна. В отличие от жесткой идеологической ортодоксии КПСС, основанной на централизованном планировании и коллективистских принципах, «Единая Россия» представляет собой широкую политическую платформу, включающую элементы консерватизма, либерализма и национализма. Её идеологическое ядро ориентировано не на единый догмат, а на прагматичное сочетание ценностей, направленных на поддержку национальных интересов, социальной стабильности и экономического развития [6]. Такая идеологическая конструкция позволяет партии сохранять высокий уровень адаптивности к изменяющимся социально-экономическим условиям и обеспечивать поддержку различных слоёв населения, что фундаментально отличает её от КПСС, чья идеология была строго регламентирована и не допускала концептуальной эволюции.

6. Кадровая политика.

Одним из инструментов идеологического контроля со стороны КПСС была кадровая политика, реализуемая через систему номенклатуры, при которой ключевые должности в государственном аппарате, на предприятиях и в общественных организациях занимали исключительно члены партии. Это демонстрировало стремление ЦК к регламентации управленических процессов, минимизации региональной самостоятельности и единству партийной политики [23, с. 47]. Это обеспечивало стабильность управления и концентрацию власти в руках партии [14, с. 407]. Вместе с тем такая система усиливала бюрократические издержки и отрыв партийной элиты от интересов общества, что со временем способствовало восприятию номенклатуры как замкнутой касты [17, с. 47].

Кадровая политика, пронизанная идеологическим контролем, использовалась не только для укрепления позиций КПСС, но и для стратегического управления ресурсами. Однако чрезмерная централизация ограничивала инициативу местных руководителей и способствовала бюрократизации системы.

После войны кадровая политика КПСС основывалась на ротации, переподготовке и строгой дисциплине. Партийные функционеры направлялись на обучение в высшие партийные школы и специальные курсы в Москве, что способствовало укреплению их компетенций [23, с. 221]. Регулярные переводы руководителей между регионами разрушали локальные элиты и укрепляли контроль над кадрами [30, р. 462].

Централизованная кадровая политика привела к формированию устойчивого слоя партийной элиты. Несмотря на регулярные ротации, стабильность карьерного роста способствовала укреплению патрон-клиентских отношений, что повышало предсказуемость системы [23, с. 362]. Но одновременно увеличивало её инертность [28, р. 57–60]. Приверженность КПСС идеологическим критериям ограничивала приток квалифицированных специалистов из других социальных слоёв, что снижало общий профессиональный уровень управления [11, с. 11]. Анализ документов показывает, что лояльность партии оставалась основным критерием отбора, что препятствовало модернизации системы и снижало её эффективность [14, с. 421–431].

Одной из причин кризиса КПСС стало геронтократическое руководство Политбюро, которое не смогло своевременно реагировать на вызовы эпохи и тем самым способствовало интеллектуальному застою и ослаблению внутрипартийного контроля [10, с. 84–85]. Кадровая политика КПСС в годы Перестройки пережила стремительную деградацию, выразившуюся в массовом уходе партийной элиты на хозяйственную работу, деморализации кадров среднего звена и неисполнении базовых уставных функций партии [16, с. 53–54].

В современной России кадровая политика государства осуществляется в соответствии с законодательными нормами, исключающими возможность прямого влияния политических партий на процесс назначения должностных лиц. В отличие от системы номенклатуры,

существовавшей в СССР, современное российское законодательство запрещает использование должностного положения для предвыборной агитации, продвижения интересов политических партий и создания их структур в государственных органах. Чиновники не могут использовать свои полномочия в интересах какой-либо партии [22, ст. 17].

В отличие от КПСС, кадровая политика которой была основана на строгой иерархии и идеологическом контроле, «Единая Россия» выстраивает клиентелистские отношения внутри партии, превращая карьеру функционеров в награду за личную лояльность лидеру и ограничивая внутреннюю автономию партии [15, с. 93–94]. Как отмечает Нисневич, «Единая Россия» не влияет на кадровые назначения и политические решения — ключевые установки исходят из Администрации Президента РФ и исполняются без дискуссий [13, с. 194].

Таким образом, в отличие от КПСС, чья кадровая политика строилась на принципе партийной лояльности, современная система управления исключает прямую партийную интеграцию в государственный аппарат, что обеспечивает институциональную автономию государственной власти и её независимость от партий.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить и теоретически обосновать ключевые различия между партийным доминированием КПСС в советской однопартийной системе и статусом «Единой России» в условиях формального политического плюрализма современной России. Анализ показал, что доминирование в постсоветской системе не сопровождается институциональной монополией: «Единая Россия» функционирует в рамках правового поля, предполагающего равенство партий, запрет на государственную идеологию и закреплённое конституцией разделение властей. Это означает, что электоральная гегемония, демонстрируемая партией власти, не опирается на юридически зафиксированную исключительность, а воспроизводится через другие механизмы — включая клиентелистские отношения, идеологическую гибкость и контроль над ресурсами.

Существенным отличием современной модели от советской является отсутствие централизованной партийной кадровой политики и системы номенклатуры, а также невозможность прямой интеграции партийных структур в органы власти. Вместо этого наблюдается смещение акцента на неформальные каналы влияния и технологизацию политического процесса. В этой связи особый интерес представляет феномен адаптивной идеологической платформы «Единой России», обеспечивающей широту электоральной коалиции без жёсткой доктринальной нагрузки. Такая конструкция позволяет партии поддерживать стабильность без репрессивного контроля, однако одновременно снижает её институциональную автономию и стратегическую устойчивость.

На теоретическом уровне работа расширяет понятийный аппарат политической науки за счёт уточнения различий между понятиями «единственная партия» и «доминирующая партия» в условиях различных политических режимов. Введённый в исследование тип политического доминирования, не основанный на правовой монополии, позволяет более точно описывать режимы с ограниченной конкуренцией и без официальной идеологии, что особенно актуально для характеристики постсоветской модели власти в России. Практическая значимость результатов заключается в том, что выявленные структурные и функциональные особенности партийного доминирования могут быть использованы для диагностики рисков институциональной деградации, политической инерции и снижения качества управления.

Вместе с тем остаются актуальными дискуссионные вопросы, касающиеся степени зависимости «Единой России» от президентской вертикали, устойчивости её лидерства в условиях политических трансформаций и потенциала региональных элит в воспроизводстве доминирования. Представляется перспективным дальнейшее исследование трансформации партийной системы под воздействием цифровых политических практик, сравнительный анализ партийных режимов в других постсоветских и развивающихся странах, а также изучение механизмов удержания власти в условиях формального правового плюрализма. Тем

самым данная работа вносит вклад в развитие современной политической науки, раскрывая специфику партийных структур в переходных и поставторитарных политических системах.

Литература

1. Абрадова Е.С. Партии и выборы в современной России // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 2. – С. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8005>.
2. Волгин Е.И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2016. – № 5. – С. 90–106.
3. Глебова И.И. Русская власть и ее партии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2011. – № 3. – С. 112–130.
4. Заславский С.Е. Партийная система России: точки политической конкуренции // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11. – № 7 (71). – С. 2016–2028. DOI: <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.71.7.006>.
5. Иванов А.М. Общественно-политическая жизнь и деятельность партийных и советских органов государственной власти, областной партийной организации КПСС, политических партий и движений в период Перестройки (1985–1991 гг.) по материалам государственных архивов Смоленской области // Modern Science. – 2021. – № 3-2. – С. 160–163.
6. Идеология «Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <https://actualcomment.ru/ideologiya-edinoy-rossii-2409251002.html> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://statearchive.ru/465> (дата обращения: 14.01.2025).
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://statearchive.ru/467> (дата обращения: 14.01.2025).
9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 05.08.2024).
10. Кузьмин П.В., Халанская Л.Г. Кризис развития КПСС (1980 – начало 1990-х гг.): содержание и социально-политические последствия (к 30-летию разрушения Советского Союза) // Ученые записки Крымского фед-ого унив-та имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – Т. 7(73). – № 2. – С. 80–93.
11. Напалков А.Д., Сметанин А.Ф. Место и роль КПСС в советской политической системе (1918–1991 гг.) (на материалах Коми областной коммунистической организации). – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2011. – 56 с.
12. Николаев Н.Е. Исторические предпосылки формирования партии «Единая Россия» в контексте постсоветской России // Клио. – 2024. – № 7(211). – С. 162–166. DOI: <https://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-7-162-166>.
13. Нисневич Ю.А. Российская «партия власти» vs доминантная партия // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2021. – № 4(103). – С. 183–199. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-183-199>.
14. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л.П. Кошелева и др. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 656 с.
15. Попова Ю.В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7. – № 3(27). – С. 87–95. DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(3\).87-95](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(3).87-95).

16. Сельцер Д.Г. Партийный исход как антитеза кадровой политике КПСС // Социально-политические исследования. – 2021. – № 4(13). – С. 50–60. DOI: <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60>.
17. СССР. Незавершенный проект / Под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 528 с.
18. Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть; науч. ред. А.В. Сперанский; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 386 с.
19. Тимошенко В.И. Характер и своеобразие партийной системы современной России // PolitBook. – 2022. – № 4. – С. 98–107.
20. Упоров И.В. Дуализм КПСС и органов власти в системе управления СССР в 1980-е годы: историко-правовой аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-2(96). – С. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-9-2-29-33>.
21. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/17169> (дата обращения: 05.08.2024).
22. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210> (дата обращения: 05.08.2024).
23. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.И. Малашенко и др. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 496 с.
24. Чжао Ю. КПСС и КПК: сравнительные аспекты историко-культурологического подхода // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 84–92.
25. Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза / пер. с англ. В. Франк. – 2-е изд., доп. – Firenze: Aurora, 1975. – 933 с.
26. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология / пер. с фр. – М.: Б. и., 1992. – Ч. 2. – 282 с.
27. Arian A., Barnes S. The dominant party system: A neglected model of democratic stability //The Journal of Politics. – 1974. – Vol. 36. – Iss. 3. – P. 592–614. DOI: <https://doi.org/10.2307/2129246>.
28. Conyngham W. Party-state relationships in the Soviet Union // World Affairs. – 1969. – Vol. 132. – Iss. 1. – P. 48–63.
29. Daniels R. A documentary history of communism in Russia: From Lenin to Gorbachev. – Burlington: University of Vermont, 1993. – 446 p.
30. Hill R.J. The USSR: Social change and party adaptability //Comparative Politics. – 1985. – Vol. 17. – Iss. 4. – P. 453–471. DOI: <https://doi.org/10.2307/421748>.
31. Hoffmann E.P. The evolution of the Soviet political system // Proceedings of the Academy of Political Science. – 1984. – Vol. 35. – Iss. 3. – P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.2307/1174113>.
32. McAuley M. Soviet politics 1917–1991. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 528 p.
33. Moore B. The Communist Party of the Soviet Union: 1928–1944: A study in elite formation and function //American Sociological Review. – 1944. – Vol. 9. – Iss. 3. – P. 267–278. DOI: <https://doi.org/10.2307/2086079>.
34. Sartori G. Parties and party systems: A framework for analysis. – Colchester: ECPR Press, 2005. – 356 p.

References

1. Abradova E.S. Partii i vybory v sovremennoi Rossii [Parties and elections in contemporary Russia]. Vlast' [Power]. 2021, V. 29, I. 2, pp. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8005>. (In Russian).
2. Volgin E.I. Demontazh odnopartiinoi sistemy v SSSR: politicheskie i pravovye aspekty [Dismantling the one-party system in the USSR: political and legal aspects].

- Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Iстория [Moscow University Bulletin. Series 8. History]. 2016, I. 5, pp. 90–106. (In Russian).
3. Glebova I.I. Russkaya vlast' i ee partii [Russian power and its parties]. Politicheskaya konzeptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovanii [Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Studies]. 2011, I. 3, pp. 112–130. (In Russian).
 4. Zaslavskii S.E. Partiinaia sistema Rossii: tochki politicheskoi konkurentsii [Party system of Russia: points of political competition]. Voprosy politologii [Issues of Political Science]. 2021, V. 11, I. 7(71), pp. 2016–2028. DOI: <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.71.7.006>. (In Russian).
 5. Ivanov A.M. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' i deiatel'nost' partiinykh i sovetskikh organov gosudarstvennoi vlasti, oblastnoi partiinoi organizatsii KPSS, politicheskikh partii i dvizhenii v period Perestroiki (1985–1991 gg.) po materialam gosudarstvennykh arkhivov Smolenskoi oblasti [Socio-political life and activities of party and Soviet state bodies, the regional CPSU organisation, political parties and movements during Perestroika (1985–1991) based on the state archives of Smolensk Oblast]. Modern Science. 2021, I. 3-2, pp. 160–163. (In Russian).
 6. Ideologiia «Edinoi Rossii» [Ideology of “United Russia”]. Available at: <https://actualcomment.ru/ideologiya-edinoy-rossii-2409251002.html> (Accessed: 25.01.2025). (In Russian).
 7. Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) SSSR: utverzhdena Chrezvychainym VIII S"ezdom Sovetov SSSR 5 dekabria 1936 g. (s posleduyushchimi izmeneniiami i dopolneniiami) [Constitution (Fundamental Law) of the USSR adopted by the Extraordinary 8th Congress of Soviets on 5 December 1936, with subsequent amendments]. Available at: <https://statearchive.ru/465> (Accessed: 14.01.2025). (In Russian).
 8. Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) SSSR (prinyata na vneocherednoi sessii Verkhovnogo Soveta SSSR deviatogo sozova 7 oktiabria 1977 g.) [Constitution (Fundamental Law) of the USSR adopted at the extraordinary session of the Ninth Supreme Soviet on 7 October 1977]. Available at: <https://statearchive.ru/467> (Accessed: 14.01.2025). (In Russian).
 9. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabria 1993 g. s izmeneniiami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01 iiulia 2020 g. [Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on 12 December 1993, with amendments approved on 1 July 2020]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (Accessed: 05.08.2024). (In Russian).
 10. Kuz'min P.V., Khalanskaia L.G. Krizis razvitiia KPSS (1980 – nachalo 1990-kh gg.): soderzhanie i sotsial'no-politicheskie posledstviia (k 30-letiiu razrusheniia Sovetskogo Soiuza) [The CPSU development crisis (1980 – early 1990s): content and socio-political consequences (on the 30th anniversary of the Soviet Union's collapse)]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofia. Politologiya. Kulturologiya [Scholarly Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. 2021, V. 7(73), I. 2, pp. 80–93. (In Russian).
 11. Napalkov A.D., Smetanin A.F. Mesto i rol' KPSS v sovetskoi politicheskoi sisteme (1918–1991 gg.) (na materialakh Komi oblastnoi kommunisticheskoi organizatsii) [The place and role of the CPSU in the Soviet political system (1918–1991) (based on materials of the Komi regional communist organisation)]. Syktyvkar, Komi Respublikanskaia tipografia Publ., 2011, 56 p. (In Russian).
 12. Nikolaev N.E. Istoricheskie predposylki formirovaniia partii «Edinaia Rossia» v kontekste postsovetskoi Rossii [Historical prerequisites for the formation of the “United Russia” party in the post-Soviet Russian context]. Klio [Clio]. 2024, I. 7(211), pp. 162–166. DOI: <https://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-7-162-166>. (In Russian).
 13. Nisnevich Yu.A. Rossiiskaia «partiia vlasti» vs dominantnaia partiia [The Russian “party of power” vs. the dominant party]. Politiiia: Analiz. Khronika. Prognoz [Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast]. 2021, I. 4(103), pp. 183–199. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-183-199>. (In Russian).

14. Politbiuro TsK VKP(b) i Sovet Ministrov SSSR. 1945–1953 [Politburo of the VKP(b) Central Committee and the Council of Ministers of the USSR. 1945–1953] / comp. O.V. Khlevnyuk, I. Gorlitskii, L.P. Kosheleva et al. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2002, 656 p. (In Russian).
15. Popova Yu.V. «Edinaia Rossiia» kak opornyi institut personalistskogo rezhima [“United Russia” as a supporting institution of a personalistic regime]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences]. 2020, V. 7, I. 3(27), pp. 87–95. DOI: [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(3\).87-95](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(3).87-95). (In Russian).
16. Seltser D.G. Partiinyi iskhod kak antiteza kadrovoi politike KPSS [Party exodus as an antithesis to the CPSU personnel policy]. Sotsial’no-politicheskie issledovaniia [Socio-Political Studies]. 2021, I. 4(13), pp. 50–60. DOI: <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60>. (In Russian).
17. SSSR. Nezavershennyi proekt [The USSR. An unfinished project] / ed. A.V. Buzgalin, P. Linke. Moscow, LENAND Publ., 2013, 528 p. (In Russian).
18. Sushkov A.V. Prezidium TsK KPSS v 1957–1964 gg.: lichnosti i vlast’ [Presidium of the CPSU Central Committee in 1957–1964: personalities and power]. Ekaterinburg, Ural Branch of RAS Publ., 2009, 386 p. (In Russian).
19. Timoshenko V.I. Kharakter i svoeobrazie partiinoi sistemy sovremennoi Rossii [The nature and peculiarities of the party system of contemporary Russia]. PolitBook. 2022, I. 4, pp. 98–107. (In Russian).
20. Uporov I.V. Dualizm KPSS i organov vlasti v sisteme upravleniia SSSR v 1980-e gody: istoriko-pravovoi aspekt [Dualism of the CPSU and state bodies in the USSR governance system in the 1980s: a historical-legal aspect]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2024, I. 9-2(96), pp. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-9-2-29-33>. (In Russian).
21. Federal’nyi zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ «O politicheskikh partiakh» [Federal Law of 11 July 2001 No. 95-FZ “On Political Parties”]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/17169> (Accessed: 05.08.2024). (In Russian).
22. Federal’nyi zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ «O gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law of 27 July 2004 No. 79-FZ “On the State Civil Service of the Russian Federation”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210> (Accessed: 05.08.2024). (In Russian).
23. TsK VKP(b) i regional’nye partiinyye komitety. 1945–1953 [Central Committee of the VKP(b) and regional party committees. 1945–1953] / comp. V.V. Denisov, A.V. Kvashonkin, L.I. Malashenko et al. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2004, 496 p. (In Russian).
24. Chzhao Yu. KPSS i KPK: sravnitel’nye aspekty istoriko-kulturologicheskogo podkhoda [The CPSU and the CPC: comparative aspects of a historical-cultural approach]. Vestnik Baltiiskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Journal of the I. Kant Baltic Federal University. Humanities & Social Sciences]. 2022, I. 1, pp. 84–92. (In Russian).
25. Shapiro L. Kommunisticheskaiia partiia Sovetskogo Soiuza [The Communist Party of the Soviet Union]. 2nd ed. Florence, Aurora Publ., 1975, 933 p. (In Russian).
26. Shvartsenberg R.-Zh. Politicheskaiia sotsiologiia [Political Sociology]. Moscow, B.i. Publ., 1992, Part 2, 282 p. (In Russian).
27. Arian A., Barnes S. The dominant party system: a neglected model of democratic stability. The Journal of Politics. 1974, V. 36, I. 3, pp. 592–614. DOI: <https://doi.org/10.2307/2129246>.
28. Conyngham W. Party-state relationships in the Soviet Union. World Affairs. 1969, V. 132, I. 1, pp. 48–63.
29. Daniels R. A documentary history of communism in Russia: from Lenin to Gorbachev. Burlington, University of Vermont Publ., 1993, 446 p.

30. Hill R.J. The USSR: social change and party adaptability. *Comparative Politics*. 1985, V. 17, I. 4, pp. 453–471. DOI: <https://doi.org/10.2307/421748>.
31. Hoffmann E.P. The evolution of the Soviet political system. *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1984, V. 35, I. 3, pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.2307/1174113>.
32. McAuley M. Soviet politics 1917–1991. Oxford, Oxford University Press Publ., 1992, 528 p.
33. Moore B. The Communist Party of the Soviet Union 1928–1944: a study in elite formation and function. *American Sociological Review*. 1944, V. 9, I. 3, pp. 267–278. DOI: <https://doi.org/10.2307/2086079>.
34. Sartori G. Parties and party systems: a framework for analysis. Colchester, ECPR Press Publ., 2005, 356 p.